

ПЬЕР ЛОТИ

Разочарованный в любви и дружбе, но отчаянно желающий быть любимым. Под ярким солнцем Турции, в танце палящей страсти и сладостных прикосновений он нашел ту, что подарила ему целый мир, — свою Азиаде. Она полюбила его, как никогда ранее. Он так жаждал этого чувства. Но способен ли он сам дарить любовь?.. («Азиаде»)

Загадочна и непостижима душа японской женщины. Тонкая, словно рисовая бумага, и нежная, как лепестки цветущей сакуры. Французский офицер Лоти берет в жены таинственную и манящую госпожу Хризантему. Сумеет ли он добиться ее любви?.. («Госпожа Хризантема»)

ПЬЕР ЛОТИ

АЗИАДЕ

ГОСПОЖА
ХРИЗАНТЕМА

АЗИАДЕ
ГОСПОЖА
ХРИЗАНТЕМА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5624-8

9 786171 256248

PIERRE LOTI

AZIYADÉ

MADAMÈ
CHRYSANTHEME

ПЬЕР ЛОТИ

АЗИАДЕ
—
ГОСПОЖА
ХРИЗАНТЕМА

УДК 821.133.1
Л80

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского
Ники Глен («Азиаде») и *Валентина Корша («Госпожа Хризантема»)*

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-5624-8

- © DepositPhotos.com / Rawpixel, Givaga, ufabizphoto, artjazz, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

АЗИАДЕ

Отрывки из дневников и писем
лейтенанта английского флота,
перешедшего 10 мая 1876 года
на турецкую службу
и убитого при осаде крепости Карс
17 октября 1877 года

Предисловие Пламкетта, друга Пьера Лоти

Всякий порядочный роман начинается описанием внешности героя. Но эта книга не роман или если и роман, то не более упорядоченный, чем жизнь того, кому он посвящен. Кроме того, описать на потребу равнодушной публике нашего Лоти, которого мы так любили, — дело нелегкое, и с ним вряд ли справились бы даже самое искусное перо.

Впрочем, представление о его внешнем облике читатель может получить, открыв «Намуну, восточную сказку» Мюссе:

И поступь горделива, и осанка,
Как у патриция, тонка, тверда рука,
Но главное — глаза. В них светится душа.

Как и Хасан, он бывал очень весел, но бывал и угрюм; порой непростительно наивен и в то же время пресыщен. Добрые ли поступки он совершал или дурные, он ни в чем не знал удержу, однако же мы любили его больше, чем этого эгоиста Хасана, и если сравнивать его с кем-либо, то скорей он был похож на Ролла...

Сколь много душ покажут тебе разом
И небо, что недвижность вод лазурью осеняет,
И — дно, где мутный ил скрывает ложь и злобу...¹

Пламкетт

¹ Виктор Гюго «Русалки». (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

1. САЛОНИКИ. ДНЕВНИК ЛОТИ

I

16 мая 1876-го

...Прелестное майское утро, яркое солнце, чистое небо... Когда шлюпки с иностранных кораблей приблизились к берегу, палачи на набережной уже заканчивали свою работу: тела шести человек, повешенных на глазах у толпы, дергались в последних конвульсиях... Окна и крыши домов были облеплены зрителями. С ближнего балкона с улыбкой наблюдали за привычным зрелищем господина из турецкой городской управы.

Султанские правители поскупились на расходы: виселицы были такие низкие, что босые ноги повешенных касались земли. Ногти их судорожно царапали песок.

II

Когда церемония казни окончилась, солдаты ушли, а трупы остались висеть до конца дня в назидание народу. Шесть трупов, словно бы стоящих на земле, являли собой отвратительную гримасу смерти, освещенную ласковым турецким солнцем, среди равнодушных прохожих и безмолвных стаяк молоденьких турчанок.

III

Групповое повешение было произведено по требованию правительств Франции и Германии как возмездие за убийство консулов, наделавшее шуму в Европе в начале Восточного кризиса¹.

¹ Восточный кризис — так называются события на Балканах в 1875–1878 гг., вызванные борьбой славянских народов за освобождение от турецкого угнетения.

Все европейские нации направили в Салоники внушительные броненосцы: Англия — одна из первых. Так на борту одного из корветов¹ ее величества я и оказался в Турции.

IV

В чудесный весенний день, вскоре после знаменитой резни и через три дня после публичной казни, когда нам разрешено было выходить в город, около четырех часов пополудни я остановился у закрытых дверей древней мечети, наблюдая за дракой двух аистов.

Представление разыгрывалось на улочке старого мусульманского квартала. Вдоль ветхих домов извивались тропинки, над ними нависали забранные решетками длинные балконы — своего рода наблюдательные пункты, откуда сквозь невидимые снаружи отверстия можно было следить за прохожими. Ростки овса пробивались сквозь темную гальку, ярко-зеленые ветки карабкались на крыши; в просветах листвы сияло чистое голубое небо; в ласковом воздухе разливалось благоухание мая.

Население Салоник еще относилось к нам настороженно, даже враждебно, да и начальство обязывало нас повсюду таскать с собой саблю и прочие военные причиндалы. Изредка проходили, держась поближе к стенам, мужчины в тюрбанах; из-за решеток гаремов² не показывалась ни одна женская головка; можно было подумать, что город вымер.

Я был совершенно уверен, что рядом никого нет, а потому, заметив за толстыми железными прутьями чьи-то большие зеленые глаза, устремленные на меня, испытал очень странное чувство.

¹ Корвет — трехмачтовый парусный военный корабль, вооруженный 20–30 пушками.

² Гарем — женская половина дома.

Темные, слегка нахмуренные брови почти смыкались па переносице; смесь энергии и наивности читалась во взгляде, который можно было принять за взгляд ребенка, столько юности и чистоты он излучал.

Молодая женщина, обладательница зеленых глаз, выпрямилась, и я увидел по пояс ее стан, окутанный накидкой, спадающей негнуцимися складками. Зеленый шелк одеяния был расшит серебром. Белая вуаль окутывала ее голову, оставляя свободными лишь лоб и большие глаза. Зеленый их цвет напоминал цвет моря, воспетого поэтами Востока.

Так я впервые увидел Азиаде.

V

Азиаде пристально смотрела на меня. Будь на моем месте турок, она тотчас скрылась бы, но гяур¹ — не человек; гяур — не больше чем объект наблюдения, в лучшем случае — существо, вызывающее любопытство и желание забавы ради на него поглазеть. Казалось, она была удивлена тем, что один из чужеземцев, вторгшихся в ее страну на страшных железных кораблях, — совсем молодой человек, вид которого не внушает ни отвращения, ни страха.

VI

Когда я вернулся на набережную, шлюпки союзной эскадры уже ушли. Зеленые глаза слегка вскружили мне голову, хотя разглядеть скрытое белой вуалью личико я так и не сумел. Я прошелся три раза мимо мечети с аистами, и время пролетело незаметно.

¹ Гяур (от араб. «кяфир») — «неверный»; так мусульмане называли всех иноверцев вообще, но чаще всего европейцев.

От молодой женщины меня отделяло множество преград. Я не мог обменяться с ней ни словом, ни запиской; покидать борт корабля после шести часов вечера было запрещено, сходить на берег разрешалось лишь при оружии; через неделю эскадра могла сняться с якоря, чтобы никогда больше не вернуться в этот порт, и, наконец, гаремы строго охранялись.

Я смотрел, как удаляются последние английские шлюпки. Солнце вот-вот должно было закатиться. В нерешительности я присел под навесом турецкой кофейни.

VII

Меня тотчас окружили люди — из тех, что живут под открытым небом на причалах Салоник, — лодчники и грузчики, жаждущие разузнать, почему я остался на берегу, и готовые ждать сколько угодно, чтобы предложить мне свои услуги.

Из этой группы македонцев я выделил одного. У него была забавная борода, вся в завитках, как у античных статуй. Он уселся передо мной прямо на землю и с любопытством меня рассматривал. Мой костюм, особенно ботинки, видимо, живо его заинтересовали. Он потягивался, точно ангорский кот, и позевывал, демонстрируя при этом два ряда мелких, сверкающих словно жемчуг зубов.

Словом, он был хорош собой; в его ласковом взгляде светились благородство и ум. В штанах до колен, оборванный, босой, он, однако же, казался опрятным, точно кошка.

Македонца звали Самуил.

VIII

Двум этим людям, которых я встретил в один и тот же день, суждено было сыграть в моей судьбе немаловажную роль и в течение трех месяцев рисковать ради меня своей жизнью.

Но тогда я очень бы удивился, если бы мне об этом сказали. Им обоим предстояло покинуть свой край и провести целую зиму под одной кровлей со мной в Стамбуле.

IX

Самуил, расхрабрившись, заговорил со мной, пустив в ход три английских слова, которые он знал:

— *Do you want to go on board?*¹

Потом он перешел на «сабир»²:

— *Te portarem colla mia barca*³.

Стало быть, Самуил знал сабир. Я тотчас подумал, что этот парень, смысленый и отважный, способный к тому же объясняться на знакомом мне языке, мог оказаться мне полезен при выполнении безумного плана, который брезжил передо мной в виде неясной пока затеи.

Завоевать расположение босяка можно было бы с помощью золота, но презренного металла у меня самого было в обрез. Впрочем, Самуил казался честным малым, и непохоже было, что он потребует денег за посредничество между молодым человеком и молодой женщиной.

X

Уильяму Брауну, лейтенанту 3-го пехотного полка, в Лондон

Салоники, 2 июня

...Поначалу это было лишь опьянение, охватившее воображение и чувства; что-то большее — любовь или почти любовь — пришло потом; я был очарован и покорен.

¹ Вам надо попасть на корабль? (англ.)

² Сабир — разговорный язык интернационального общения; смесь из французских, итальянских, испанских и арабских слов. (Прим. пер.)

³ Я отвезу тебя на своей лодке (сабир).

Если б Вы могли последовать сегодня за Вашим другом Лоти по улочкам старого безлюдного квартала, Вы увидели бы, как он заходит в фантастического вида дом. За ним закрывается потайная дверь.

Он выбрал этот домишко, стремясь, как это вошло у него в привычку, переменить декорации. (Вы, вероятно, помните, как я проделывал это ради блистательной Изабеллы Б.: сцена разыгрывалась в фиакре или на Хаймаркет-стрит, у любовницы Длинного Мартина; одним словом, все та же старая страсть к перемене декораций, разве что восточный костюм добавит приключению немного притягательности и новизны.)

Картина первая: старое мрачное жилище, весьма убогое, зато насыщенное восточным колоритом. Кальяны валяются на полу вперемешку с оружием.

Ваш друг Лоти — в центре сцены; три старухи еврейки, в полном молчании, топчутся возле него. У них крючкова-тые носы и живописные долгополые одеяния, украшенные блестками; на шее — связки цехинов¹, волосы подвязаны зеленой шелковой ленточкой. Они торопливо снимают с меня офицерский мундир и, опустившись на колени, чтобы начать с позолоченных гетр и подвязок, наряжают меня турком.

Лоти сохраняет сумрачный и озабоченный вид, как это положено герою лирической драмы.

Старухи еврейки затыкают ему за пояс множество кинжалов, серебряные эфесы которых инкрустированы кораллами, а рукояти клинков из дамасской стали — золотом; затем надевают на него шитый золотом мундир с широкими рукавами,

¹ Цехин — название золотой монеты (дуката), чеканившейся начиная с XIII в. на венецианском монетном дворе; был широко распространен в Средиземноморье.

а на голову водружают феску¹. После этого они жестами объясняют Лоти, как ему к лицу новый наряд, и отправляются за большим зеркалом.

Лоти находит, что он и вправду хорош, и с грустной улыбкой рассматривает костюм, который может оказаться для него роковым. Затем Лоти исчезает, воспользовавшись задней дверью, и пересекает весь этот нелепый город с его восточными базарами и мечетями; он идет никем не замеченный в пестрой толпе, среди прохожих, разодетых в яркие одежды, которые так любят в Турции. Лишь несколько женщин, закутанных в белое, говорят друг другу, когда он проходит мимо: «Этот албанец хорош собой, и оружие у него красивое».

Дальше, дорогой Уильям, следовать за Вашим другом Лоти слишком рискованно. В конце его пути — любовь, любовь турчанки, которая принадлежит своему мужу-турку; другими словами, я ввязался в предприятие, безумное во все времена, не говоря о сегодняшних обстоятельствах. С юной оболстительницей Лоти проведет час безумного блаженства, рискуя при этом и своей головой, и еще многими головами, рискуя вызвать даже дипломатические осложнения.

Вы скажете, что решиться на такое можно, лишь обладая чудовищным запасом эгоизма; не стану этого отрицать, но я решил, что могу позволить себе делать все, что заблагорассудится, и что надо как можно обильнее перчить это безвкусное блюдо, именуемое жизнью.

У Вас нет оснований жаловаться на меня: я написал Вам длинное письмо. Я не рассчитываю ни на Ваше, ни на чье-либо еще сочувствие, но среди людей, с которыми меня сводила жизнь, Вы один из тех, с кем приятно вместе жить и делиться

¹ Феска — головной убор в виде усеченного конуса, часто с кисточкой; назван по марокканскому городу Фес, где его первоначально изготавливали; в Османской империи был обязателен для государственных чиновников — как военных, так и штатских.

впечатлениями. Если в моем письме слишком много излияний, будьте снисходительны: я недавно пил кипрское вино.

Сейчас хмель прошел. Я поднялся на палубу, чтобы подышать вечерней прохладой, и Салоники предстали передо мной в своем жалком обличье; его минареты напоминали кучу старых свечей, воткнутых в темный грязный город, где процветает порок, — эдакий современный Содом¹. Когда влажный воздух обдал меня холодным душем и природа приобрела обычный для этих мест убогий и тусклый вид, я снова принялся изучать себя, находя в душе лишь омерзительную пустоту и неизбывную житейскую скуку.

В ближайшее время я думаю съездить в Иерусалим и постараться собрать воедино клочья моей веры. Пока же мои религиозные и философские верования, мои нравственные принципы, мои социальные теории и прочее представлены одной мощной фигурой — фигурой жандарма.

Осенью я обязательно приеду к Вам в Йоркшир².

Жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам.

Лоти

XI

Последние дни мая 1876 года были одними из самых беспокойных дней моей жизни.

Уже долгое время я испытывал упадок духа; страдания опустошили мое сердце, однако переходный период прошел, и юность вновь предьявляла свои права. Я пробуждался,

¹ Содом — древний город в Палестине, жители которого «были злы и весьма грешны перед Господом» (Бытие, гл. 13, ст. 13); за грехи горожан Содом был уничтожен дождем из серы и огня; в Библии гибель Содома — символ божественного наказания.

² Йоркшир — графство на северо-востоке Англии.

чувствуя себя одиноким в этом мире; остатки веры покинули меня, никакая узда меня более не сдерживала.

Что-то похожее на любовь зарождалось на этих руинах, и Восток источал могучие чары, благословляя это пробуждение, вызывавшее смятение чувств.

XII

Ее поселили вместе с тремя другими женами господина в загородном доме, расположенном в роще, по дороге к монастырю. Охрана там была не слишком бдительна.

Каждый день я при оружии спускался на берег, шлюпка высаживала меня на набережной, в толпу лодочников и рыбаков, и я знаками передавал Самуилу, оказавшемуся как бы случайно на моем пути, свои распоряжения на ночь.

Дневные часы я проводил, прохаживаясь по монастырской дороге. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась пустынная печальная равнина; по сторонам тянулись античные захоронения; руины мраморных надгробий с таинственными письменами, обглоданными лишайником; поля, усеянные гранитными памятниками; греческие, византийские, мусульманские надгробия покрывали древнюю землю Македонии, где великие народы прошлого оставили свой прах. Изредка взгляд останавливался на силуэте островерхого кипариса или на громадном платане, который давал приют албанским пастухам и их козам; на бесплодной почве крупные бледно-лиловые цветки жимолости, согретые лучами солнца, источали сладкое благоухание. Мельчайшие подробности этого пейзажа запечатлелись в моей памяти.

Ночью надо всем этим царит невозмутимый ласковый покой; тишину нарушает лишь треск цикад; чистый воздух настоян на ароматах лета; неподвижное море и небо излучают такое же сияние, как то, что озаряло когда-то мои тропические ночи.

Прекрасная турчанка не была еще моей, но нас разделяли лишь преграды материального свойства — присутствие ее господина да железные решетки на окнах.

Я проводил ночи в ожидании — ожидании того мига, быть может, очень короткого, когда я смогу сквозь эти ужасные прутья коснуться ее плеч и поцеловать в темноте белые руки, украшенные перстнями Востока.

Глубокой ночью, незадолго до рассвета, преодолев тысячи опасностей, я возвращался на корвет.

XIII

Вечера я проводил в обществе Самуила. В тавернах, куда ходили рыбаки, благодаря ему я увидел немало странного; в притонах и кабаках, во «дворах чудес», которые содержали турецкие евреи, я изучал нравы, с какими сталкивались очень немногие мои соотечественники. Собираясь в трущобы, я переодевался в костюм турецкого матроса, рассчитывая, что на рейде Салоник он меня не выдаст. Самуил выделялся среди тамошнего сброда; его сияющая красота была особенно заметна на мрачном фоне. Я понемногу привязался к нему, а его отказ сводничать в моем приключении с Азиаде заставил еще больше уважать его.

В ночные часы, проведенные с этим бродягой в подвалах, где пьют анисовую и виноградную водку, напиваясь до потери сознания, я увидел много всяческих странностей и извращений.

XIV

Ласковой июньской ночью мы с Самуилом лежали, вытянувшись на земле, дожидаясь двух часов утра условленного часа. Я хорошо помню эту волшебную ночь; ее покой нарушал лишь еле слышный плеск прибоя; кипарисы смотрелись на фоне

горной гряды, как черные слезы, платаны — как сгустки тьмы; кое-где старые пограничные столбы обозначали места, давным-давно покинутые дервишами¹; сухая трава, мох и лишайники источали пряный аромат. Оказаться в чистом поле в такую ночь — истинное блаженство!

Однако Самуила наша ночная вылазка, похоже, не привела в восторг — он даже перестал мне отвечать.

Тогда я взял его за руку — я сделал это впервые, в знак дружбы, — и произнес по-испански примерно такую речь:

— Мой добрый Самуил, вы каждую ночь спите на твердой земле или на голом полу. Трава, на которой мы здесь лежим, куда мягче и пахнет тимьяном. Постарайтесь заснуть, и вы проснетесь в прекрасном расположении духа. Или, быть может, вы недовольны мной? Что я могу для вас сделать?

Его рука дрожала в моей руке, я сжал ее слишком крепко.

— *Che volete*, — произнес он мрачным и недовольным голосом. — *Che volete mi?*²

Что-то невероятное, что-то зловещее тенью прошло через сознание бедного Самуила — на добром старом Востоке все возможно! Потом он закрыл лицо руками и, ужаснувшись самому себе, застыл в этой позе.

Но и в это тягостное мгновение он был предан мне душой и телом. Каждый вечер, заходя в дом, где жила Азиаде, Самуил ставил на карту свою свободу и свою жизнь. Он в темноте пересекал кладбище, как ему казалось, наполненное видениями и смертными страхами; греб до утра на своей лодке, стерег нашу или ждал меня всю ночь, лежа вповалку с полусотней бродяг на каменных плитах салоникского причала. Его личность была как бы поглощена моей, и, какими бы ни были

¹ Дервиши — одно из распространенных названий членов суфийских братств; часто это слово употребляется в переносном смысле: странствующий аскет, живущий подаянием.

² Что вы от меня хотите? (сабир)

место и костюм, которые я выбирал для себя в очередной раз, он следовал за мной как тень, готовый защитить мою жизнь даже ценой своей собственной.

XV

Лоти — Пламкетту, лейтенанту военно-морского флота
Салоники, май 1876-го

Мой дорогой Пламкетт!

Вы можете рассказать мне, не боясь наскучить, обо всех грустных или нелепых, или даже веселых случаях, которые придут Вам в голову. В моих глазах Вы никогда не смешаетесь с презренным сбродом, и я с неизменным удовольствием буду читать все, что Вы мне напишете.

Ваше письмо было вручено мне под конец обеда с испанским вином, и я помню, как оно ошеломило меня оригинальностью своего внешнего вида. Вы и в самом деле чудак, но это я знал уже давно. Известны Вы и блестящим умом. Но не только это извлек я из Вашего длинного письма, уверяю Вас.

Я понял, что Вы немало страдали, и это тоже нас сближает. В моей жизни тоже было десять долгих лет, которые начались с того, что меня, шестнадцатилетнего, предоставили в Лондоне самому себе; я вкусил понемногу всех тамошних утех, зато и страдания не обошли меня стороной. Я чувствую себя совершенным стариком, несмотря на прекрасное физическое состояние, которое я поддерживаю фехтованием и гимнастикой.

Впрочем, признания ни к чему не ведут. Вы страдали, и этого достаточно, чтобы между нами возникла симпатия.

Я вижу также, что мне посчастливилось внушить Вам какое-то чувство; благодарю Вас за него. Нас свяжет, если на то будет и Ваша добрая воля, «интеллектуальная дружба», как Вы

это называете, и она поможет нам пережить эти унылые времена.

На четвертой странице письма Ваше перо, вероятно, слишком торопливо бежало по бумаге, когда Вы писали: «Безграничная преданность и нежность...» Если Вы действительно так думаете, Вы не можете не сознавать, что Вы еще молоды и свежи и что ничего не потеряно. Что до клятв верности — навеки, навсегда, — я испытал всю их прелесть больше, чем кто-либо. Однако эти чувства приходят в восемнадцать лет; в двадцать пять их уже нет, и преданность испытываешь уже только по отношению к самому себе. То, что я говорю Вам, неутешительно, но ужасающе верно.

XVI

Салоники, июнь 1876-го

В Салониках это было просто счастье — утренняя прогулка по городу, мысль о которой поднимала вас на ноги еще до восхода солнца. Воздух был такой легкий, свежесть — такая восхитительная, что сама жизнь словно бы улыбалась вам; все существо ваше проникалось блаженством. Немногочисленные турки в красных, зеленых и оранжевых одеяниях попадались на улицах, под сводами лавчонок, в которые свет едва проникает сквозь закрытые ставни.

Инженер Томпсон играл при мне роль наперсника в комической опере, и мы с ним немало побродили по старым улочкам в запретные часы, в костюмах, нарушавших все правила и уставы.

По вечерам взгляду открывалась дивная картина другого рода: все становилось розовым или золотым. Олимп¹ был

¹ Олимп — горный массив в Фессалии, на северо-востоке Греции; высшая точка — гора Митикас (2917 м). В античной Греции считался местопребыванием богов, которых поэтому часто называли «олимпийскими богами», или «олимпийцами».

окрашен в цвета, напоминающие разгорающиеся угли или расплавленный металл, и отражался в зеркальной глади моря. В небе — ни облачка: казалось, атмосфера исчезала и горы повисали в совершенной пустоте — настолько четко и определенно вырисовывались даже самые далекие их гребни.

Мы сидели по вечерам на набережной, где фланировала толпа, и смотрели на спокойную бухту. Шарманки наигрывали под аккомпанемент колокольчиков восточные мелодии; держатели кофеен выставляли в изобилии на столиках, прямо на улице, свой товар, едва успевая подносить кальяны, рахат-лукум и ракию.

Самуил бывал счастлив и горд, когда мы приглашали его за наш столик. Он слонялся вокруг, чтобы передать мне условными знаками, на какое время Азиаде в очередной раз назначила мне свидание, и я, думая о предстоящей ночи, дрожал от нетерпения.

XVII

Салоники, июль 1876-го

Азиаде сказала Самуилу, чтобы на эту ночь он остался с нами. Я смотрел на нее с удивлением: она попросила меня сесть между нею и Самуилом и заговорила с ним по-турецки.

Этот первый наш с ней разговор затеяла сама Азиаде; Самуил должен был служить нам переводчиком. В течение месяца, опьяненные чувствами, мы не обменялись ни словом и, в сущности, оставались друг для друга незнакомцами.

— Где ты родился? Где ты жил? Сколько тебе лет? У тебя есть мать? Ты веришь в Бога? Ты был когда-нибудь в стране черных людей? У тебя было много любовниц? Ты господин в своей стране?

А она — юная черкешенка — попала в Константинополь¹ вместе с другой девочкой, своей ровесницей; какой-то торговец продал ее старому турку, который держал ее в своем доме, чтобы впоследствии отдать сыну; сын внезапно умер, старый турок — тоже; ей исполнилось шестнадцать лет, и она была ослепительно хороша; итак, она попала в руки господину, который заметил ее еще в Стамбуле и перевез в свой дом в Салониках.

— Она говорит, — переводил Самуил, — что ее Бог не тот, что у тебя, и она не уверена, будто у женщин такая же душа, как у мужчин; Коран говорит иначе. Она считает, что, когда ты уедешь, вы больше не увидите, даже после смерти, и поэтому она плачет. А сейчас, — продолжал Самуил смеясь, — она спрашивает, хочешь ли ты вот прямо сразу вместе с ней прыгнуть в море; сжимая друг друга в объятиях, вы позволите течению увлечь вас в глубину... Я же отгону лодку обратно и буду говорить, что вас не видел.

— Что до меня, — сказал я, — я согласен, только б она больше не плакала; прыгнем немедленно — и делу конец.

Азиаде поняла меня; вся дрожа, она обвила руками мою шею, и мы склонились над водой.

— Не делайте этого! — закричал Самуил, испугавшись не на шутку и удерживая нас обоих своей стальной ручищей. — Что за скверная выдумка — целоваться под водой. Когда люди то-

¹ Константинополь — город на берегу Босфора, существовавший еще в античное время; в IV в. н. э., при императоре Константине, стал столицей Восточной Римской империи, позднее — столица Византийской империи. У Лоти название Константинополь применяется по отношению к старой, византийской полуостровной части города (в пределах византийских крепостных стен) — т. н. «Старому городу» (тур. Эминёну). Этому южному району города, который автор не совсем верно отождествляет с христианским городом, противопоставлен «Новый город» (тур. Бейоглу) к северу от Золотого Рога, который автор называет Стамбулом, что тоже не соответствует реальности, поскольку турки распространяли это название на весь город (более правильное турецкое название — Истанбул).

нут, они цепляются друг за друга и строят отвратительные гримасы.

Это было сказано на сабире с дикарской грубостью, которую французский язык не способен передать.

.....

Азиаде пора было возвращаться домой, и вскоре она нас покинула.

XVIII

Плакетт — Лоти

Лондон, июнь 1876-го

Мой дорогой Лоти!

Я смутно помню, будто месяц назад послал Вам нескладное и бессвязное письмо без начала и конца, одно из тех писем, которые диктует воображение, и фантазия несется галопом, а перо, едва за ней поспевая, в лучшем случае бежит рысью, да еще то и дело упирается, как старая ломовая кляча, взятая внаем.

Эти письма никогда не перечитывают, прежде чем запечатать, потому что в противном случае их бы вовсе не посылали. Более или менее уместные отступления от темы, повод для которых, однако же, решительно нельзя сыскать, чередуются в таких письмах с полной ахинеей. И наконец, для полноты картины следует панегирик самому себе — несчастному, непонятому человеку, который ищет сочувствия, дабы собрать урожай комплиментов, коими вы по доброте сердечной его одаряете. Вывод: все это очень смешно.

А заверения в преданности! На этот раз именно из-за этого старая кляча закусил удила. Вы отвечаете на эту часть моего письма, как мог бы ответить тот писатель XVI века до нашей эры, который, перебрав все, попробовав себя в роли великого короля, великого философа, великого архитектора, у которого было шестьсот жен и прочая и прочая, пресытившись всем

и преисполнившись отвращением ко всему, в старости, поразмыслив, заявил, что все в мире лишь суета сует¹.

Все, что Вы могли бы написать мне в ответ в духе Екклезиаста², я давно знаю и совершенно с Вами согласен! Поэтому вряд ли мне доведется когда-либо спорить с Вами иначе, чем жандарм спорит со своим бригадиром. В сфере нравственной нам совершенно нечему учить друг друга.

Откровенные признания, говорите Вы, бесполезны.

Я соглашаюсь с Вами более, чем когда-либо; мне нравится иметь общую с Вами точку зрения на людей и на события, мне нравится угадывать их основополагающие черты; что же касается деталей, я всегда испытывал к ним отвращение.

«Безграничная преданность и нежность»! Это был один из тех добрых порывов, одно из тех счастливых озарений, по милости которых человек становится лучше самого себя. Поверьте, в эту минуту я совершенно искренен. Если же эти озарения мимолетны, кого следует винить в глубинном несовершенстве нашей натуры? Вас или меня? Или того, кто, создав нас, бросил наполовину прорисованными, исходно готовыми к самым возвышенным устремлениям, но неспособными на действия, согласные с нашими взглядами? Или вообще никого? Поскольку нас раздирают сомнения, это, пожалуй, лучший вариант.

Спасибо за то, что Вы написали мне о свежести моих чувств. И все же я в это не верю. Слишком долго они служили или, скорее, слишком часто прибегал я к их услугам, чтобы они от употребления не утратили свежести. Я мог бы сказать, что это

¹ Автор имеет в виду легендарного царя Соломона, правителя единого царства Израиля и Иудеи (принятые в настоящее время даты царствования: 965–926). Народное предание превратило его в великого мудреца, Соломону приписывают создание ряда библейских текстов.

² Екклезиаст (греч. Екклесиаст — «Проповедник») — автор одноименной книги Ветхого Завета, созданной в III в. до н. э. Никаких сведений о его жизни не сохранилось.

чувства, приобретенные по случаю, и в связи с этим напомнить Вам, что подобные случаи всегда можно найти. Я обратил бы также Ваше внимание на то, что есть вещи, которые со временем, теряя блеск и свежесть, становятся только прочнее; в качестве примера из нашего с Вами общего благородного ремесла я привел бы пеньковый канат.

Так или иначе, я Вас очень люблю, и к этому можно не возвращаться. Раз и навсегда я заявляю, что Вы ярко одарены и что было бы настоящим несчастьем, если бы Вы потратили на эквилибристику лучшую часть себя. Не буду больше досаждать Вам своими чувствами и восторгами и перехожу к некоторым деталям моего житья-бытья.

Физически я совершенно здоров, но нравственно — нет, а потому мне приходится вести себя определенным образом, чтобы не сходить с ума и установить для своих чувств некий регулятор. Все в этом мире уравновешено, как внутри нас, так и вовне. Если чувства берут верх — это всегда происходит за счет рассудка. Чем в большей степени Вы будете поэтом, тем в меньшей — геометром, а в жизни необходимо немного геометрии и, что еще хуже, много арифметики. Надеюсь, Бог простит меня за то, что я написал Вам нечто почти из области здравого смысла.

Ваш Пламкетт

XIX

Ночь на 27 июля, Салоники

В девять часов офицеры один за другим расходятся по своим каютам; они желают мне доброй ночи и удачи: моя тайна стала уже общим достоянием.

Я с опаской смотрю на небо в ту сторону, где высится старый Олимп, — слишком уж часто наплывают оттуда густые медные тучи, предвещаая ураганы и проливные дожди.

В этот вечер, однако, облаков не видно, и мифическая гора четко прорисована на бездонном небе.

Я спускаюсь в свою каюту, переодеваюсь и поднимаюсь снова.

Начинается ежевечернее тревожное Ожидание: проходит час, проходит другой, минуты тянутся бесконечно и кажутся долгими, как ночь.

В одиннадцать часов над гладью моря слышится легкое поскрипывание весел. Далекая точка приближается, скользя словно тень. Это лодка Самуила. Вахтенные окликают его, берут на прицел. Самуил не отвечает, и тем не менее ружья опускаются — вахтенные получили тайный приказ, который касается только его, и вот лодка у нашего борта.

Ему вручают сети и другие принадлежности для рыбной ловли; конспирация соблюдена, и я прыгаю в лодку, которая немедленно отходит от корабля. Я сбрасываю плащ, скрывавший мой турецкий костюм, и — перевоплощение свершилось. Расшитая золотом куртка чуть поблескивает в темноте. Легкий ветер мягко холодит лицо. Самуил бесшумно гребет к берегу.

Там уже ждет меня маленькая лодка. В ней — безобразная старуха негритянка, замотанная в голубую ткань, старый слуга-албанец, в живописном костюме, вооруженный до зубов, и еще одна женщина, так укутанная, что глаз различает лишь бесформенную белую массу.

Самуил пересаживает в свою лодку двух первых из упомянутых персонажей и удаляется, не говоря ни слова. Я остаюсь один на один с женщиной под белым покрывалом, безмолвной и неподвижной, словно привидение. Я берусь за весла, и мы плывем в противоположном направлении — в открытое море. Не отрывая от женщины глаз, я напряженно жду какого-либо ее движения или сигнала.

Когда, по ее мнению, мы уже достаточно далеко, она протягивает мне руки — это долгожданный сигнал, по которому

я могу сесть рядом с ней. Я дрожу, касаясь ее, это прикосновение проникает в меня смертельной истомой; ее вуаль пропитана ароматами Востока, кожа ее лица кажется холодной.

В моей жизни была молодая женщина, которую я любил больше, чем эту, и которую ныне не вправе видеть, но никогда я не испытывал подобного опьянения.

XX

Лодка Азиаде выслана шелковистыми коврами, турецкими подушками и покрывалами. Здесь можно найти все изыски восточной неги, так что похожа она скорее на покачивающуюся на воде постель, чем на лодку.

Мы находимся в особом положении: не смеем обменяться хотя бы словом; всевозможные опасности кружат над этим странным ложем, которое дрейфует, никем не управляемое, в открытое море; похоже, два существа намеренно сошлись для того, чтобы вместе вкусить упоительную прелесть невозможного.

Через три часа, когда Большая Медведица опрокинется в необъятном небе, настанет пора плыть к берегу. Каждую ночь мы следим за неизменным движением созвездия, как за циферблатом, где стрелка отсчитывает часы нашего безумства.

Мы забываем обо всем на свете, и поцелуй, начавшийся вечером, длится до утра. Сравнить это можно разве что со жгучей жаждой в африканских песках, которую не утолить, сколько бы ты ни пил.

Как-то раз молчание ночи нарушил неожиданный шум. До нас донеслись звуки арфы и женские голоса: кто-то кричал нам «берегись!», и мы едва успели посторониться. Шлюпка с «Марии Пиа», битком набитая пьяными итальянскими офицерами, возвращавшимися с берега, на полном ходу прошла мимо нашей лодки, едва не наскочив на нас и не путив нас ко дну.

XXI

Когда мы вернулись к шлюпке Самуила, Большая Медведица уже прошла свою высшую точку на небосводе. Издалека доносилось пение петухов.

Самуил спал на корме, свернувшись клубочком под моим одеялом; негритянка, скорчившись, как обезьяна, спала на носу; старый албанец дремал, съжившись между ними, не выпуская весел из рук.

Двое старых слуг пересели к своей хозяйке, и лодка, которая привезла Азиаде, бесшумно скрылась из виду. Я долго следил глазами за белым пятном — одеянием молодой женщины, которая оставалась на том месте, где я ее оставил, разгоряченную поцелуями, дрожащую теперь от ночной росы.

На немецком броненосце пробило три часа; на востоке в белесом свете проступали угрюмые контуры гор, в то время как подножие их утопало в их собственной тени, отраженной спокойными водами. Густая тень, отбрасываемая горами, скрадывала расстояния; звезды мало-помалу тускнели.

Влажная утренняя свежесть понемногу опускалась на море; роса проступала каплями, словно выжатыми из досок Самуилова суденышка. Я был легко одет, плечи прикрывала лишь рубаха из легкого муслина. Куртка с золотым шитьем осталась на лодке Азиаде. Смертный холод скользнул по рукам, проникая в грудь. Еще час надо было ждать благоприятного момента, чтобы, обманув бдительность вахтенных, вернуться на борт. Я попробовал грести, но неодолимая дремота сковывала движения. Тогда я с бесконечными предосторожностями приподнял краешек одеяла, которым укрылся Самуил, и вытянулся рядом, не потревожив сон друга, посланного мне случаем.

Не прошло и секунды, как мы уже оба спали тем тяжелым сном, которому невозможно противиться, и наша лодка легла в дрейф.

Через час нас разбудил хриплый голос: кричали по-немецки что-то вроде «Эй вы там, на лодке!»

Мы чуть было не наткнулись на германский броненосец и налегли на весла, чтобы уйти подальше; вахтенные держали нас под прицелом. Было четыре часа. Утренняя заря еще неуверенно освещала белые кварталы Салоник и черные громады военных кораблей. Я вернулся на борт как удачливый вор, которому повезло и он не попался.

XXII

Следующей ночью (с двадцать восьмого на двадцать девятое) мне приснилось, что я внезапно покидаю Салоники и Азиаде. Мы с Самуилом решаем бежать по тропе в турецкую деревню, где она живет, чтобы, по крайней мере, с ней попрощаться: однако, как это бывает во сне, мы не можем сдвинуться с места, время уходит, корвет поднимает паруса.

— Я пошлю тебе ее волосы, — говорит Самуил, — длинную каштановую косу.

Мы снова пытаемся бежать.

Но вот пришли меня будить — пора заступать на вахту. Пробыло полночь. Рулевой зажег в моей каюте свечу. Я увидел блеск позолоты и шелковые цветы на коврах и лишь тогда проснулся окончательно.

В эту ночь лил проливной дождь, и я промок до нитки.

XXIII

Салоники, 29 июля

В десять часов утра я получил неожиданный приказ: немедленно покинуть мой корвет и Салоники, завтра же на пассажирском судне переправиться в Константинополь и явиться там на

английскую плавучую базу «Дирхаунд», которая курсирует в водах Босфора или Дуная.

Орава матросов ворвалась в мою каюту; они сдирали шелковую обивку и увязывали дорожные сундуки.

Я занимал на «Принце Уэльском» бронированную клетушку в глубине судна, примыкавшую к пороховому погребу. Этот склеп, в который не проникал ни один солнечный луч, я обставил самым оригинальным образом: железные стены были затянуты плотным красным шелком с причудливыми цветами; на сумрачном фоне поблескивали фаянсовая посуда, древности с обновленной позолотой, оружие.

Во мраке этой комнатушки я провел немало грустных часов, неотвратимых часов разговора с глазу на глаз с самим собой, мучимый угрызениями совести и душераздирающими сожалениями о прошлом.

XXIV

На «Принце Уэльском» у меня было несколько приятелей, начальство многое спускало мне с рук, но ни к кому я не был по-настоящему привязан, и скорая разлука не слишком меня огорчала.

Кончался еще один период моей жизни, и Салоники были еще одним уголком земли, с которым мне предстояло проститься навсегда.

Впрочем, на спокойной глади просторной бухты я провел упоительные часы — то были ночи, за которые немало людей дорого бы дали. К тому же я почти любил эту молодую женщину, наделенную столь своеобразной прелестью!

И все же вскоре я забуду эти прохладные ночи, когда первые лучи солнца и утренняя роса заставляли нас в лодке, где мы лежали вытянувшись, опьяненные любовью.

Мне было жаль Самуила, беднягу Самуила, который так бескорыстно рисковал своей жизнью ради меня и который будет по-детски оплакивать мой отъезд. Итак, я по-прежнему откликаюсь на любое пылкое чувство, на все, что на него похоже, даже если в его основе лежит какое-либо корыстное или неясное мне побуждение; я принимаю, закрыв глаза, все, что может заполнить хотя бы на час ужасную пустоту жизни, все, что являет собой хотя бы видимость дружбы или любви.

XXV

30 июля. Воскресенье

В полдень, в самый зной, я покидал Салоники. Самуил подплыл на своей лодке в последнюю минуту, чтобы попрощаться со мной, когда я уже ступил на палубу корабля.

Он выглядел растерянным, но довольным. И этот скоро меня забудет!

— До свиданья, эфенди¹, *pensia poco de Samuel!*²

XXVI

— Осенью, — сказала Азиаде, — Абеддин-эфенди, мой господин, перевезет жен в Стамбул; если он случайно туда не поедет, я поеду одна, ради тебя. Приезжай в Стамбул, я буду ждать тебя.

Но это значит для меня начать все сначала, зажить по-новому, в новой стране, в окружении новых лиц, и неизвестно, сколько времени это продлится!

¹ Эфенди (тур. «господин») — вежливое обращение к мужчине; в Османской империи — принятая форма обращения к духовным лицам, уважительное обращение вообще.

² ...думай иногда о Самуиле! (сабир)

XXVII

Церемония с порхающими в воздухе носовыми платками успешно завершается, берег, залитый солнцем, медленно удаляется от нас. Долгое время еще можно различить белую башню, к которой ночью причаливала лодка Азиаде, и каменистую равнину с разбросанными там и сям старыми платанами, мимо которых я часто проходил в темноте.

И вот уже Салоники — лишь серое пятно на фоне желтых бесплодных гор, пятно, испещренное белыми шпилями минаретов и черными — кипарисов.

А потом и серое пятно исчезает (вероятно, навсегда), скрытое взгорьями мыса Карабурун¹. Четыре могучие мифологические вершины вздымаются над теперь уже далеким берегом Македонии: Олимп, Афон, Пилион и Оса!²

2. ОДИНОЧЕСТВО

I

Константинополь, 3 августа 1876-го

Трехдневное путешествие проходило в три этапа: Афон, Дедеагач³, Дарданеллы.

¹ Карабурун — имеется в виду мыс Мегало-Карабурун (Большой Карабурун), закрывающий выход из Салоникской бухты в одноименный залив Эгейского моря.

² Среди упомянутых вершин только одна находится в пределах Македонии. Афон — гора на полуострове Агион-Орос (2033 м). Пилион — горный хребет в Фессалии (1651 м). Оса — гора в Фессалии, на побережье залива Термаикос (1978 м).

³ Дедеагач — сейчас этот прибрежный городок находится на территории Греции и называется Александруполис.

СОДЕРЖАНИЕ

Азиаде5

Госпожа Хризантема193

Літературно-художнє видання

ЛОТИ П'єр
Азіаде. Пані Хризантема

Романи
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 31.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «FuturaLight». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 6500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЛОТИ Пьер
Азиаде. Госпожа Хризантема

Романы

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 31.01.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «FuturaLight». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 6500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Він розчарований у коханні та дружбі, але відчайдушно хоче бути коханим. Під яскравим сонцем Туреччини, у танці палкої пристрасті й солодких дотиків він знайшов ту, що подарувала йому цілий світ, — свою Азіаде. Вона полюбила його, як ніколи раніше. Він так прагнув цього почуття. Але чи здатний він сам дарувати любов?.. («Азіаде»).

Загадкова й незбагненна душа японської жінки. Тонка, немов рисовий папір, і ніжна, як пелюстки квітучої сакури. Французький офіцер Лоті бере за дружину таємничу та привабливу пані Хризантему. Чи зуміє він здобути її любов?.. («Пані Хризантема»)

Лоти П.

Л80 Азиаде. Госпожа Хризантема : романи / Пьер Лоти ; пер. с фр. Н. Глен, В. Корша. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 352 с.

ISBN 978-617-12-5624-8

Он разочарован в любви и дружбе, но отчаянно желает быть любимым. Под ярким солнцем Турции, в танце палящей страсти и сладостных прикосновений он нашел ту, что подарила ему целый мир, — свою Азиаде. Она полюбила его, как никогда ранее. Он так жаждал этого чувства. Но способен ли он сам дарить любовь?.. («Азиаде»)

Загадочно и непостижима душа японской женщины. Тонкая, словно рисовая бумага, и нежная, как лепестки цветущей сакуры. Французский офицер Лоти берет в жены таинственную и манящую госпожу Хризантему. Сумеет ли он добиться ее любви?.. («Госпожа Хризантема»)

УДК 821.133.1